Тем временем, пока продолжался импровизированный допрос, к ним присоединился еще один мужчина. Если седовласый мужчина показался ей уродливым, то этот был просто отвратителен: лицо в шрамах, повсюду выемки, поддельный глаз, поддельная нога и еще неизвестно сколько уродств, которых не было видно под его одеждой.

Он тоже присоединился к допросу и продолжал говорить о том, что у мальчика не было возможности пожаловаться на что-либо, и, несмотря ни на что, несмотря на то, что Флер сама ненавидела необходимость участвовать в этом, ей было неприятно, что другие, те, кто был меньше ее, притворяются, что не хотят ни величия, ни славы.

В порыве слов, притопнув ногой по земле, Флер сказала: "Почему он должен жаловаться? У нее есть шанс посоревноваться, не так ли? Мы все ждали, что нас выберут, неделями и неделями!" Ложь, но в данный момент она была уместна, и она не раздумывала. "Это честь для наших школ! Тысяча галеонов призовых - за такой шанс многие готовы умереть!"

"Может, кто-то надеется, что Поттер умрет за него", - прорычал человек со шрамом.

И тут ее осенило.

Бэгмен назвал его "Гарри", когда впервые привел к другим чемпионам. А этот человек назвал его "Поттером".

Флер еще раз оглядела мальчика. Она называла его маленьким, и он был таким же маленьким, но, похоже, между ними было несколько лет разницы. Казалось, он был почти на грани страха, но не показывал этого, его лицо менялось от раздражения до облегчения и гнева, в зависимости от того, кто и о чем говорил. Последний, гнев, проявлялся только в зеленых, ярких в свете костра глазах, и только тогда, когда эти глаза смотрели на нее. И еще она поняла, почему он показался ей знакомым, когда впервые вошел в комнату: это был тот самый мальчик, у которого она взяла буйабес.

Флер почти ухмыльнулась, чувствуя, как в ней растет желание поддразнить его, посмотреть, как он отреагирует на унижение.

Она почти чувствовала его вкус на кончике языка: ярость мальчика, пламя в его нутре. Он нарастал, медленно, но верно.

В тот момент, когда она открыла рот, чтобы снова оскорбить мальчика, чтобы увидеть, как вспыхнет новый огонек гнева, все закончилось.

Судьи сказали, что мальчик будет участвовать в соревнованиях, каким бы безвольным он ни казался.

И Флер подумала, что, возможно, этот год в Хогвартсе не пройдет впустую.

После того как вопрос с четвертым чемпионом был решен, Флер вернулась за стол Рейвенкло, собрала своих подруг, и они удалились в карету Босбатонс и в уединенную комнату Флер. Пока Эми и Данни лежали на кровати на спине друг напротив друга, Флер очень тщательно избавлялась от пудрово-голубой мантии, шарфа, шапочки и всего нижнего белья, которое носила под мантией.

"Давай, каким он был?"

"Каким он был?"

Флер переместилась влево от зеркала, и подушка, пролетев по воздуху, пролетела мимо нее с небольшим отрывом.

"Не будь такой занудой, ты знаешь, кто: Гарри Поттер".

"Он всего лишь маленький мальчик, Эми. Я не знаю, что ты на самом деле ожидаешь от меня услышать. Я едва взглянула на него".

"Лгунья", - сказала Данниэль.

Ей было приятно отодвинуть всю эту ткань от своей кожи, давая ей простор и воздух для нормального дыхания. К тому же она получала некоторое удовольствие от того, что щеголяла в своем праздничном костюме. Впрочем, почему бы и нет? Ей было чем полюбоваться: ее каплевидные груди, наливающиеся в ладонях, вздувшиеся розовые соски, плоский и подтянутый животик, изгиб бедер, упругость ягодиц, гладкость бугра между ног... все было просто идеально.

И здесь, в этом личном святилище, она наконец-то могла дать себе волю.

Эми и Даниэль остро почувствовали это, как и много раз до этого. Аллюр омыл их, зарядил энергией, которую лучше потратить не на ленивое валяние на кровати. Вскоре они тоже присоединились к Флер в ее выборе одежды.

Хотя их обеих назвал бы красивыми любой мальчик или мужчина, увидевший их, они знали, что им никогда не сравниться с Флер. Ее красота, грация, неземное присутствие всегда возвышали ее над толпой. Как и должно быть. Но среди обычного сброда, среди тех, кто не был похож на Флер? Они были ошеломляющими.

Грудь Данниэль совсем не походила на грудь Флер. Во-первых, они были больше, а во-вторых, пока что они не поддавались злосчастному врагу женщин - гравитации, но однажды они обвиснут, хотя это не значит, что магия не сможет отменить ее действие. Если бы чья-то рука прижалась к одной из грудей Данни, большая ее часть перелилась бы между пальцами и отяготила руку. Из трех французских ведьм именно она была наиболее одарена женскими

изгибами.

Ее задняя часть соответствовала ее груди в равной пропорции, и она тоже не провисала ни на йоту. Мальчики умоляли дать им возможность забраться между ее щеками, целовать, лизать и делать все, что им прикажут. Но в отличие от Флер, Данни не была такой гладкой, и на ее бугорке, над пухлой плотью половых губ, лежал небольшой кустик огненно-рыжих волос, с которых уже капали капли возбуждения на ковер, покрывавший весь пол в комнате.

Эми... ну, Эми была Эми. По типу телосложения она была больше похожа на Флер, чем на Данни, но во всем остальном? Если у трио ведьм и был центр всего извращенного, то это была Эми. Именно она первой начала отношения с Флер, еще когда они были просто знакомы, просто "Привет, как дела?" в коридорах Босбатона, вплоть до того, что Эми прижала Флер к стене, прижалась губами к ее губам, а коленом проникала между ее ног, растирая бугор Велы в замедленной съемке. Игра в доминирование длилась недолго, и Эми оказалась в обратном положении: Флер выплескивала все свое недовольство в порывах ярости, страсти, ненависти, пота, слез и сладкого нектара между их ногами. Именно Эми привлекла к ним Данни, уже видевшую ее с мальчиком или двумя в одном из непривычных классов, и то, что она попросила их сделать для нее, возбудило ее от вида ведьмы, так легко доминирующей над волшебником.

У них обоих Флер училась своему ремеслу.

Флер закрыла глаза и вздохнула в предвкушении, когда одна рука сзади обхватила ее правую грудь. Мгновение спустя она почувствовала влажные губы на шее, а другая рука скользила по позвоночнику, пока не обхватила ее попку.

"Шлюхи, - прорычала она, поворачивая голову в сторону, а ее рука прижалась к затылку Данни, когда она целовала пухлые губы рыжеволосой ведьмы. Данни задыхалась и стонала, когда язык Флер проникал между ее губ. Эми, разумеется, тоже не осталась в стороне, опустившись на колени и оказавшись почти между двумя нижними половинками ведьм. Она с удовольствием дразнила их языком, едва касаясь зубами их клиторов, а руками разминала их мясистые зады.

Но в конце концов одна рука убралась, и в ладонь Флер с журчанием скользнула палочка длиной двенадцать дюймов. Она быстро поднесла ее ко рту и пробормотала какое-то нехитрое заклинание, после чего опустила палочку на пол и стала наблюдать, как ее язык становится длиннее и покрывается бугорками. Когда чары подействовали, Эми, ничуть не колеблясь, полностью перевернулась на Флер: ее семидюймовый язык нырнул между нижних губ веелы, нос терся о ее клитор, обе руки лежали на ее восхитительном подреберье, а рука Флер легла на ее затылок, проталкивая ее увеличившийся язык еще дальше в ее стекающую киску. Каждый толчок органа вызывал дрожь в коленях, но руки Данни обхватили Флер за талию и удерживали ее в вертикальном положении, медленно продвигаясь к кровати.

К тому времени, когда все трое опустились на кровать, бедра Флер обхватили голову Эми, а Данни осыпала поцелуями ее шею, ключицы, влажным ртом сосала ее грудь, она уже пылала, и чем больше язык Эми кружил по ее внутренностям, тем жарче становилось ее тело, пока не осталось только пламя, а Флер не исчезла.

Эми удалось вырваться из захвата бедер Флер, и ее волосы, уже не собранные в хвост, каскадом рассыпались перед ее лицом. Она уселась сверху на Флер, удерживая ее за ноги, а Данни с трудом удерживала ее руки сбоку, пока Флер билась под их хваткой. Эми удалось окончательно снять чары с языка, хотя она оставила следы соков Флер нетронутыми, неочищенными со рта и подбородка. Один только запах должен был успокоить ее, удержать от беды.

Кожа на лице Флер натянулась, нос стал длиннее и острее, светлые волосы на руках множились и густели, пока не превратились в нечто большее, чем просто человеческие волосы. Все это, все ее тело, превратившееся из необыкновенной человеческой красоты в образ нечеловеческой жестокости, злобы, желания и похоти. Существо под ними больше не говорило на элегантном французском языке. Вместо этого оно пронзительно закричало, и они поняли, чего оно хочет, чего жаждет и требует, ради чего вышло на первый план. Неохотно, как и много раз до этого, они отпустили Флер, и все быстро перевернулось. Эми больше не прижималась к Флер, Данни больше не позволялось целовать и сосать ее кожу. Велы пришли за своим.

К счастью для них троих, они заранее оградили комнату чарами уединения.

Было бы неловко, если бы кто-нибудь заглянул к ним, чтобы узнать источник этих криков.

Эми любила боль. Данниэль любила удовольствие.

http://tl.rulate.ru/book/4312/154728